

ВНУШИТЬ НАДЕЖДУ

ДАНИЭЛЬ ДЮРАЛЬ

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Даниэль Дюраль

Внушить надежду

«Автор»

2026

Дюраль Д.

Внушить надежду / Д. Дюраль — «Автор», 2026

Блэк растит сына Вия в мире, где технология инфограф даёт мгновенные знания. Вий умоляет отца разрешить операцию, чтобы не быть изгоем среди сверстников. Блэк сдаётся. Поначалу всё идеально: Вий осваивает языки, науки, сияет. Но вскоре он перестаёт рисовать, не спит ночами, говорит о линиях и пустоте. Другие дети с инфографами сходят с ума. Блэк понимает: он не спас сына, а отдал его технологии. Теперь он должен вернуть его, пока не поздно. Роман об отцовской любви, цене прогресса и надежде, которая не умирает.

© Дюраль Д., 2026

© Автор, 2026

Даниэль Дюраль

Внушить надежду

Внушить надежду

Часть I до света.

Каждое дерево когда-то было семенем.

Каждая надежда – тишиной перед первым шагом

В начале этой осени я купил сыну велосипед, он был настолько рад. Никогда не забуду его улыбку, ту прекрасную не сползающую с его лица. Он катался в парке, по дорогам, под мостами - везде, даже дома у тетушки Мафы. После этого мы с Виём отправились домой, тетка сказала мальчишке учиться хорошо, тот же в свою очередь не особо ее слушал.

Вий проскальзывал мимо низко растущих деревьев слегка наклонялся и срывал красивые пожелтевшие осенние листья. По дороге я встретил доктора Хальтера. Прошло уже столько лет после этой трагедии, но доктор Хальтер еще держится бодрячком.

- Вий, скорость сбавь! Кричал я ему, но тот не слушал. Он вообще у меня непослушный, мне пришлось бежать за ним.

Я купил ему этот чертов велосипед почти за половину от моей зарплаты, а он решил не слушать меня.

- Стой! Стой!

Вий повернул и тут же послышался грохот. Я подбавил темп, наверное, никогда так быстро не бежал. На дороге стояла машина такси, а из не вышел полноватый мужчина с густыми усами и разводил руками, а потом помог встать сыну.

— Это ваш сын? Говорил мужичок.

- Да, он вам ничего не помял?

- Нет, но он сам чуть не убился, следите за ним!

- Извините пожалуйста нас, не уследил.

Таксист сел в машину хлопнул дверью и быстро умчал. Вий же прятал от меня свою рану на ноге. Прижгу твою рану, когда домой придем, говорил я ему.

Мы возвращаемся под вечер. Вий идёт впереди, пинает камешки, останавливается у каждой лужи. Я несу сумку и улыбаюсь - день удался.

- Пап, а почему у людей только две ноги? Спрашивает он, не оборачиваясь.

- А сколько ты хочешь?

- Три. Или четыре. Как у стула. Стул же устойчивый.

- Стул не ходит, - говорю я, а если бы у тебя было четыре ноги, ты бы путался в них и падал. Да и штаны пришлось бы на четыре штанины шить.

- Ого! Он поворачивается, глаза горят.

- А можно?

- Можно, - серьёзно киваю, но сначала найди магазин, где такие продают.

Вий смеётся. Звонко, по-детски. Я давно не слышал этого смеха.

- Пап, а что вкуснее: солнце или луна?

- Я пробовал и то, и другое, — отвечаю я. — Луна как холодный сыр, а солнце — как пережаренный блин.

- Ты шутишь!

- Ничуть. В детстве я залез на самую высокую берёзу, откуда до луны рукой подать. Откусил кусочек. Не понравилось.

Он заливается хохотом, запрокидывает голову.

- А рыбы, пап, почему они не разговаривают?
- Потому что они дипломаты.
- Кто? Он сделал такую физиономию лица, самому смешно стало.
- Дипломаты. Боятся сказать лишнего. Представь: плавает рыба, а её спрашивают: «Как вода?» А она ответит: «Мокрая» - и сразу война.

Вий останавливается, смотрит на меня с восторгом.

- А если бы рыба сказала «сухая»?
- Тогда вообще катастрофа. Пришлось бы вызывать полицию.
- У рыб есть полиция?
- Конечно. Щуки. Они ходят в форме.

Он опять смеётся. Мы подходим к дому. Я открываю калитку, пропускаю его вперёд.

- Пап, говорит Вий, присаживаясь на ступеньки крыльца. - А что такое обещание? Это когда слова связывают???

- Обещание, это как верёвка, я сажусь рядом. Ты её завязываешь и сам решаешь, когда развязать. Но если развяжешь без спроса, верёвка обидится.

- Верёвки не обижаются.
- Верёвки - нет. А люди - да.

Он кивает, поднимает сухой листок, крутит его.

- Пап, а звёзды — это дыры в небе?
- С чего ты взял?

- Если посмотреть на одеяло с лампой внутри, то свет проходит сквозь дырочки. Так и звёзды — это свет с той стороны.

Я на секунду теряю дар речи.

- Может быть, тихо говорю я. Может быть, там, за небом, кто-то накрылся одеялом, а звёзды — это его фонарик.

- А вдруг он нас видит?
- Пусть смотрит. Мы ничего не прячем.

Вий встаёт, отряхивает штаны.

- Пап, а можно я лягу сегодня попозже? Хочу посмотреть, как звёзды двигаются.
- Можно, говорю я.
- Но завтра в школу.
- В школу не хочу.
- А кто будет задавать глупые вопросы учителям?
- Учителя не умеют на них отвечать, как ты.

Я чувствую, как что-то тёплое разливается в груди. Что-то такое что цепляет душу и распирает ее изнутри, в последний раз я чувствовал это когда Клэр прыгала мне на шею. Это было до свадьбы летом 2076 года. Отчетливо помню ее улыбку, ее грацию ее пение, когда она находилась рядом со мной. Она всегда мечтала улететь со мной и с Виём на Багамы, и я даже начал откладывать деньги, но увя этому не бывать.

- Спасибо, пап, — говорит он и бежит в дом. Я сижу на крыльце и улыбаюсь. У нас был хороший разговор. И завтра он снова спросит что-нибудь смешное. А я снова отвечу.

Настало утро, и я совсем забыл прижечь рану сыну, ну да ладно ничего с ним не случится.

Я захожу в офис ровно в 9.00 утра, как всегда, за три минуты до утренней синхронизации. Вестибюль встречает меня полумраком и запахом ионизированного воздуха — здесь работают мощные системы очистки, потому что стеклянные стены не открываются, а кондиционеры гонят одну и ту же стерильную смесь. Стены вестибюля живые: на них медленно текут сине-зелёные волны, датчики сканируют температуру тела, пульс, даже уровень стресса по микроколебаниям зрачков. Это называется «система заботы о сотрудниках», но на самом деле она просто следит, чтобы никто не пришёл на работу пьяным или в депрессии. Если твой уровень

кортизола зашкаливает, турникет не откроется - отправят домой, в принудительный отпуск. Со мной такого не было ни разу. Я слишком хорошо умею притворяться спокойным. Сканер у турникета лениво плачет, считывая сетчатку моих глаз. Голос из динамика - синтетический, но с интонациями заботливой секретарши – произносит: «Доброе утро, Блэк. Сегодня 14 октября. Ваше расписание сдвинуто на пятнадцать минут. «Приятной работы». Я киваю, хотя вокруг ни души. Потому что внутри этих стен всё равно кто-то смотрит - камеры в каждом углу, датчики движения, тепловизоры под потолком. Я привык.

Мы все привыкли. Когда технологиям платят за то, чтобы они нас охраняли, они заодно следят за каждым чихом. Это называется «баланс безопасности и конфиденциальности». На деле баланс давно сместился в сторону первой. Мой кабинет находится на седьмом этаже, седьмой отсек в ряду «Бета». Семь - моё число. Я не суеверный, просто так сложилось: когда меня принимали на работу, свободной оказалась только эта ниша. Пять лет я сижу в этом кресле, пять лет смотрю в одни и те же голографические экраны. Иногда мне кажется, что это что-то значит. Чаще - что не значит ничего.

За дверью пахнет озоном и перегретым пластиком. На моем столе терминал, два голографических экрана, папка с распечатками на настоящей бумаге. Я единственный в отделе, кто пользуется бумагой, меня за это дразнят. «Блэк, ты как из двадцатого века», говорит моя соседка Майя (у неё ниша под номером шесть, через перегородку). А я отвечаю: «Бумага не глючит, бумага не разряжается, бумагу не взломают». Она смеётся. Но я знаю, что в чём-то прав. Когда весь мир уйдёт в цифру, останутся те, кто хранит информацию на физических носителях. Я буду среди них. Или, скорее всего, меня уволят раньше.

Я сажусь в кресло, и оно тут же подстраивается под мою спину, под мои ноги, под угол наклона головы. Это кресло стоит бешеных денег, но корпорация закупила их для всех инженеров, чтобы повысить продуктивность. Кресло помнит меня. Оно скрипит, когда я откидываюсь назад – ровно через три секунды после того, как я касаюсь подлокотников. До боли знакомый скрип, как у старой двери в доме моего детства. Того дома, где деревья были настоящими, а не синтетическими, и воздух пах землёй, а не озоном. Хорошо.

Сегодня у меня есть одна идея. Я вынашивал её три месяца. Записывал по ночам в бумажный блокнот, перепроверял расчёты на домашнем терминале, спорил сам с собой за утренним кофе. Дело вот в чём: наши нейросенсоры, которые мы устанавливаем на промышленные линии, дают сбой на высоких частотах. Это известная проблема, о которой все знают, но никто не хочет решать, потому что стандартное решение – добавить фильтр, что снижает скорость обработки сигнала на семь процентов. Семь процентов это много. Заказчики жалуются, техники на местах ругаются, а наш отдел разработки разводит руками: закон физики, ничего не поделаешь. А я придумал, как заменить этот фильтр на резонансную петлю. Суть простая: вместо того чтобы резать частоты, мы их перенаправляем в замкнутый контур, где они гасят сами себя. Это, как если бы вы вместо того, чтобы глушить шум в наушниках, создавали бы точную копию шума с обратной фазой. Не отсечение, а подавление. Скорость падает только на полтора процента. Для промышленности это прорыв. Не революция, но шаг вперёд. И я хочу, чтобы этот шаг сделали мы, а не конкуренты из Сан-Франциско или Шанхая. 18:43 Чтобы предложить это начальству, нужно пройти через три уровня одобрения.

Первый - мой непосредственный руководитель, Сара Чен.

Второй - аналитический отдел, где сидят люди с математическими моделями и нулевым чувством юмора.

Третий - совет директоров, который уже два года подряд отклоняет все технологические инициативы, потому что «нестабильная экономическая ситуация». На самом деле экономика стабильна, просто директора боятся рисковать. Они любят, когда всё работает как часы, даже если часы эти отстают на двадцать лет.

Я открываю файл «Идея_Блэк_14_05» и начинаю редактировать тринадцатую версию. Тринадцатую. Сколько можно переписывать одно и то же? Но я знаю: если хочешь, чтобы твою идею приняли, она должна быть не просто хорошей, а безупречной. И даже безупречную могут отклонить из-за запятой не в том месте.

В 9.15 в мою нишу заглядывает Майя. Она тащит стакан с протеиновым коктейлем (розовый, с запахом клубники, хотя настоящей клубники она не ела никогда) и смотрит в пол – верный признак того, что она пришла не просто поболтать.

- Блэк, говорит она.

- Твой позавчерашний отчёт по модулю семь. Там ошибка в третьей вкладке. Я чувствую, как холодный ручеек пробегает по спине. Я перепроверял тот отчёт четыре раза. Четыре!

- Какая ошибка? Спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Ты указал коэффициент 0.78, а надо 0.79. Аналитики заметили, вернули на доработку. Сказали, если не исправишь до обеда, они заблокируют доступ к базе. Я молчу. 0.78 или 0.79 - разница в пределах погрешности измерений. На реальном производстве её никто не заметит. Но система не терпит погрешностей.

Система любит, когда всё чётко, однозначно, записано в протокол. Система создана людьми, которые никогда не работали руками. Они знают только цифры. И они готовы убить за каждую десятую долю процента.

- Спасибо, говорю я. Поправлю.

Майя кивает и уходит в свою нишу, волоча за собой запах клубники и пластика. Я смотрю на стены. Зелёные волны сменились жёлтыми – это значит, что уровень стресса в отделе повышен. Может, из-за меня. Может, из-за кого-то ещё. Система заботы о сотрудниках зафиксировала скачок и теперь, наверное, готовит циркуляр для начальства: «рекомендуется провести тимбилдинг». Тимбилдинг – это когда нас вывозят за город, заставляют играть в дурацкие игры и делать вид, что мы одна семья. Я ненавижу тимбилдинг. Но я улыбаюсь на них, потому что иначе поставят отметку в личном деле: «недостаточно командный игрок».

Я включаю экран, настраиваю камеру. На том конце провода инженер по фамилии Вонг, грузный мужчина с вечно красным лицом и недовольным прищуром. Он работает на старом оборудовании, которое было установлено ещё до моего рождения, и ненавидит любые изменения.

- Блэк, говорит Вонг.

- Ваши сенсоры горят на испытаниях.

- В каком смысле горят? Переспрашиваю я, хотя уже догадываюсь.

- В прямом. Дым, искры, пожарные. Мы подали напряжение 380, а они рассчитаны на 220. Почему?

Я быстро открываю схему на втором экране. Там чёрным по белому написано «максимальное напряжение - 220 вольт». Но в техзадании, которое Вонг прислал неделю назад, было указано «380». Кто ошибся? Я лезу в переписку. Смотрю письма, вложения, метаданные. Ответа нет. Вонг утверждает, что отправлял уточнение, но в моей папке его нет. Система верит тому, что записано. А записано - 220.

- Вонг, говорю я, чувствуя, как начинаю злиться.

- Давайте сделаем так. Я сейчас посчитаю, на сколько можно поднять напряжение без риска разрушения сенсоров. А вы пока снимите показания с датчиков температуры на каждом узле.

- Мы не лаборатория, бурчит он.

- Мы завод. Мы не можем остановить производство ради ваших экспериментов.

Я сжимаю челюсть. Я понимаю его. Но я не волшебник чтобы творить такое.

- Хорошо, говорю я.

- Тогда пришлите мне лог ошибок за последние три дня. Я проанализирую удалённо.

- У нас нет логов, – отвечает Вонг.
- Мы записываем всё на бумагу. По старинке.

Я закрываю глаза. Бумага. Он использует бумагу. Как и я. И теперь именно из-за этой бумаги мы не можем решить проблему, потому что его записи не синхронизированы с моими данными в компьютере.

- Вонг, говорю я после достаточно долгой паузы.
- Сфотографируйте свои записи и отправьте мне. Я переведу их в цифру сам. Он вздыхает, кивает и отключается.

Я остаюсь один в пустой голографической комнате. Смотрю на свои руки. Они дрожат, то ли от злости, то ли от усталости.

Обед в 12.30. В столовой на первом этаже подают искусственную гречку с искусственным мясом. Вкус похож на настоящий, но послевкусие пластиковое, как будто ты жуёшь упаковку от йогурта. Я беру поднос, сажусь за столик у окна. На улице летают дроны доставки, снуют по трассе автопилотные фургоны, люди в защитных костюмах протирают стёкла небоскрёбов. Я вспоминаю, как в детстве мы с отцом жарили шашлыки на заднем дворе. Дым, угли, мясо с кровью, запах настоящего огня. Сейчас такое не едят. Сейчас всё переработанное, стерильное, безопасное. Мы продлили жизнь, но потеряли вкус.

Майя садится напротив, не спрашивая разрешения. Молчит. Я молчу тоже. Нам не о чем говорить – мы коллеги, а не друзья. В этом офисе никто ни с кем не дружит. Дружба – это излишняя эмоциональная привязанность, которая снижает продуктивность. Так сказано в корпоративном кодексе. Не буквально, конечно, но между строк читается.

- Блэк, говорит Майя, ковыряя пластиковой вилкой свою гречку.
- А что ты будешь делать, если твоё предложение отклонят?

Я не ожидал этого вопроса. Майя никогда не интересовалась моими идеями. Мы работаем в соседних нишах уже три года, и единственные темы, которые мы обсуждали, это отчёты и технические задания.

- Не знаю, отвечаю честно.
- Многие предлагали, она поднимает глаза.
- Раньше. Их всех отклоняли. Потому что система не любит изменений.
- Система не любит ошибок, поправляю я.

— Это одно и то же. Я смотрю в окно. Дрон доставки зависает прямо напротив стекла, будто разглядывает меня. В его камере горит красный огонёк. Кто-то смотрит на меня с той стороны. Может, оператор службы безопасности. Может, просто запись. Я отворачиваюсь.

- Я всё равно попробую, говорю я.
- Если не попробую, то никогда себе не прощу.

Майя пожимает плечами и уходит. Её гречка остаётся почти нетронутой. После обеда я дорабатываю предложение. Добавляю графики, сноски, ссылки на три независимых источника. Я хочу, чтобы оно было безупречным. Я знаю, что даже безупречное могут отклонить. Но я не могу сдаться. В конце концов, это не просто работа. Это моя идея. Часть меня. Я получаю сообщение от аналитического отдела. Они одобрили мой исправленный отчёт (0.79, всё в порядке) и предупреждают, что через час у меня будет аудит производительности. Аудит – это когда специальная программа анализирует все мои действия за последнюю неделю: сколько времени я трачу на каждую задачу, как часто отвлекаюсь, насколько эффективно использую рабочие ресурсы. По результатам аудита выставляется рейтинг. Если рейтинг падает ниже определённого уровня, меня могут перевести на полставки или вовсе уволить. Высокий рейтинг даёт бонусы и премии. Я всегда держусь в верхней трети, но каждый раз нервничаю. Я открываю свой рабочий журнал, ту самую бумажную папку, которую все считают моим чудачеством. На самом деле я веду её как резервную копию. Если систему взломают или данные сотрут, у меня останется бумага. Но аудит проверяет только цифровые следы. Бумага не в счёт. Я могу

сидеть и перебирать свои записи час, и программа решит, что я бездельничаю. Поэтому я приучил себя дублировать каждое действие в цифре. Это неудобно, но безопасно.

В 15:00 я заканчиваю своё предложение. Сохраняю финальную версию. Посылаю запрос на встречу с Сарой Чен, моим руководителем. Ответ приходит через две минуты: «Заходи через пять». Я встаю из кресла, поправляю воротник рубашки, она уже мятая, но в этом офисе никто не обращает внимания на одежду, если ты не идёшь к директорам. Иду по коридору седьмого этажа. Стены здесь серые, без всяких волн - эстетика минимализма, которая на самом деле экономия. Лампы светят ярко, без мерцания. Пол покрыт мягким ковролином, заглушающим шаги. Кабинет Сары Чен находится в конце коридора, за дверью с табличкой «Руководитель отдела разработки, уровень доступа 4».

Я стучу. Голос изнутри: «Войдите». Сара Чен сидит за огромным столом, на котором нет ничего, кроме терминала. Ей около пятидесяти, она носит строгие костюмы и очки из настоящего стекла (редкость в наше время). Говорят, она начинала простым инженером, как я, и прошла все ступени. Поэтому я надеюсь, что она поймёт мою идею.

- Садитесь, Блэк, говорит она, не глядя на меня. Её глаза прикованы к голографическому экрану, который висит в воздухе перед ней.

- Я посмотрела ваше предложение.

Я сажусь на стул. Стул жёсткий, неудобный - специально, чтобы посетители не засиживались.

- И что вы думаете? Спрашиваю я.

- Это интересно, она наконец поднимает глаза.

- Но есть проблема. Я замираю.

- Вы учли тепловыделение на резонансной частоте? Петля может перегреться.

- Да, быстро отвечаю я.

- На странице двенадцать, раздел 4.3. Я провёл моделирование. При максимальной нагрузке температура поднимается на 12 градусов, что в пределах допустимого. Сара листает мой файл. Её палец двигается в воздухе, сдвигая голографические страницы. Я смотрю на её лицо, пытаюсь угадать реакцию. Ничего. Каменное спокойствие.

- Хорошо, говорит она.

- Я пропущу ваше предложение в аналитический отдел. Но ничего не обещаю. Аналитики любят разбирать такие вещи на части.

- Я понимаю, киваю в знак этого.

- И ещё, Блэк. Если они отклонят, не принимайте на свой счёт. Это просто цифры. Она снова утыкается в экран.

Аудиенция окончена. Выхожу из её кабинета на ватных ногах. Шанс есть. Маленький, как щепотка соли на ладони. Но есть. В 17:00 я возвращаюсь в свою нишу. На столе новое сообщение от Вонга: он прислал фотографии своих бумажных записей. Разбираю их, ввожу данные в терминал. Ошибка была на его стороне, он перепутал напряжение на старом оборудовании. Пишу ему ответ: «Рекомендую заменить блок питания, тогда сенсоры не сгорят». Он не отвечает. Обиделся. «На обиженных воду возят» отправляю я ему следующим сообщением. В 17:30 я выключаю терминал.

Кресло возвращается в исходное положение, издавая знакомый скрип. Собираю свои бумаги в портфель – старый кожаный, ещё моего отца. Он носил его на работу, когда работал механиком в гараже, где чинили настоящие автомобили. Теперь гараж снесли, построили офисный центр, а портфель достался мне. На выходе сканер снова желает мне «хорошего вечера». Жёлтые волны на стенах сменились синими, то ли уровень стресса упал, то ли просто вечернее освещение. Я не знаю. Иду к лифту, спускаюсь на первый этаж, прохожу через турникет. Снаружи воздух пахнет выхлопными газами и дождём.

18:20 Я иду к остановке. Думаю о Вие. Ему скоро девять лет. Он сегодня, наверное, получил двойку по математике или наоборот пятёрку по рисованию. Он всегда рисует что-то странное - небо с дырами, трёхногих людей, рыбок в форме колец. Я улыбаюсь, вспоминая, как он спросил меня прошлой ночью: «Пап, а если бы у людей было три ноги, они бы быстрее бегали?». Я ответил что-то смешное, мы оба смеялись. Потом я уложил его спать, поцеловал в лоб и вернулся к своим расчётам. Сажусь в автобус. Он едет на автопилоте, без водителя.

Я смотрю в окно. Мимо проплывают высотки, рекламные экраны, лица людей, которых я не знаю. Город живёт своей жизнью, быстрой, шумной, равнодушной. А я сижу в автобусе и думаю о том, что сегодня я сделал всё, что мог. Я предложил кое-что своё. Может быть, это изменит мою жизнь. Может быть, нет. Автобус останавливается. Я выхожу на своей остановке – это окраина, здесь нет небоскрёбов, только трёхэтажные дома старой застройки. Тишина. Деревья - настоящие, живые. Я вдыхаю воздух, пахнувший листвой. Хорошо. Я иду по тропинке между домами. Где-то лает собака. Где-то играет музыка из открытого окна. Обычный вечер. Обычная жизнь. И в этой обычности есть своё счастье. Тихое, незаметное, но настоящее. Вхожу в подъезд, поднимаюсь на второй этаж. Открываю дверь своим ключом, никаких биометрий, потому что я не хочу, чтобы корпорация знала, в какое время я прихожу домой. В коридоре пахнет жареной картошкой – это робот-помощник, которого я запрограммировал на приготовление ужина, работает на кухне. Он не умеет разговаривать, только издаёт короткие звуковые сигналы. Но картошку жарит отлично. Из комнаты доносится звук телевизора, там, наверное, Вий смотрит новые серии «Счастливой долины». Этот мультик и я смотрел, еще тогда записывая серии на камеру, чтобы потом, когда станет скучно пересматривать. Еще помню когда-то с дядей Беном сиделись вместе смотрели этот мультик, а потом играли на приставке в футбол до самого утра, а позже моя мама выгоняла его старой растрепанной метлой.

- Я дома, говорю я негромко.

- Папа! Кричит Вий, и я слышу топот маленьких ног. Он выбегает в коридор, бросается мне на шею. Я обнимаю его, чувствую тепло его тела, запах детского шампуня. И всё – все ошибки, все отчёты, все строгие взгляды начальников – исчезают. Остаётся только он. Мой сын. Мой мир.

- Ты принёс что-нибудь? Спрашивает он, заглядывая в мой портфель и в небольшой картонный пакет.

- Не сегодня, говорю я.

- Но зато я научился новому фокусу.

- Какому?

- Покажу после ужина!

Он счастливо улыбается и бежит на кухню, крича: «Робот, папа фокус принёс!». Робот молчит - он не обучен отвечать на такие реплики. Но я знаю, что он зафиксировал эту фразу в логе событий. Я иду на кухню. Робот стоит у плиты, его механические руки переворачивают котлеты. Стекланная панель на его корпусе мигает зелёным - всё в порядке.

Я сажусь за стол. Робот ставит передо мной тарелку с картошкой и котлетой. Настоящей, из мяса. Мы небогаты, но на еду не экономим. Вий садится напротив. Робот подаёт ему стакан сока. В доме тихо, только гул его электромоторов.

- Как прошёл день? Спрашиваю я Вия, хотя знаю, что он сам начнёт рассказывать.

- Нормально, даже хорошо, отвечает он, жуя картошку.

- Миссис Дэвис сказала, что я слишком много фантазирую. А я нарисовал человека с тремя ногами и ботинками вместо ушей. Она поставила тройку.

- Покажешь рисунок? Он кивает, вытирает рот салфеткой и бежит в комнату. Возвращается с листом бумаги. Человек с тремя ногами и с такими же ботинками за место ушей как у меня, стоит на фоне неба, в котором вместо звёзд - дыры.

Я смотрю на рисунок и чувствую, как что-то ёкает внутри.

- Здорово, говорю я.
- Не слушай миссис Дэвис. Фантазия – это важно.

Вий улыбается. Доедает ужин. После ужина я показываю ему фокус – старый, ещё мой дед учил. С монеткой и стаканом. Вий в восторге. Он пробует повторить, но у него пока не получается.

- Научишься, говорю я.
- Нужно просто тренироваться.
- Как ты на работе? Вдруг спрашивает он.
- Ты тренируешься?
- Да, смеюсь я.
- Тренируюсь придумывать новые штуки.
- А когда я вырасту, я тоже буду придумывать?

- Обязательно. Ты будешь придумывать такое, что мне даже не снилось. Вий смотрит на меня серьёзно. Потом обнимает и убегает чистить зубы.

Я остаюсь на кухне один. Робот тихо моет посуду, шурша щётками. Я наливаю себе чай, настоящий, листовой, который покупаю у знакомого торговца на рынке. Сажусь у окна. Смотрю на звёзды. Настоящие, не голографические. Я вспоминаю свой офис, зелёные волны на стенах, голос сканера, безразличие аналитиков. И понимаю, что всё это не важно. Важно только то, что я могу вернуться сюда. В этот дом. К этому маленькому человеку с его трёхногими рисунками. Что я несу ответственность не перед системой, а перед ним. И, может быть, поэтому я буду пробовать снова. Даже если мою идею отклонят. Даже если меня уволят. Даже если мир сойдёт с ума от своих технологий. Потому что у меня есть Вий. И он ждёт, что я принесу ему фокус. Не только с монеткой, но и с верой в то, что честный труд и упорство всё-таки что-то значат.

Я допиваю чай, мою чашку и иду в комнату Вия. Он уже спит, обняв плюшевого медведя. Поправляю на нём одеяло, глажу по голове.

- Спокойной ночи, шепчу я. Робот тихо выключает свет на кухне и переходит в режим ожидания. Я ложусь на диван (Вий спит на моём месте в спальне, это уже традиция) и закрываю глаза. Завтра будет новый день. Новые отчёты, новые ошибки, новые надежды. Но сейчас - я просто засыпаю. Уставший, но не побеждённый. Потому что я - Блэк. Инженер. Отец. Человек, который не сдаётся. Даже когда весь мир говорит, что это бесполезно.

Звонок застаёт меня в коридоре. Дети выбегают из классов, как вода из прорванной трубы, шумно, неудержимо, с рюкзаками наперевес. Я отхожу к стене, пропуская этот поток. Среди мелькающих лиц я ищу Вия. Он всегда выходит последним. Не потому, что медленный, а потому что обычно договаривает что-то учительнице или засматривается на плакаты с солнечной системой или в шутку пристает к своему другу Луису.

Сегодня он появляется через минуту. Мрачный, с рюкзаком на одном плече, смотрит в пол. - Привет, пап.

- Привет. Что случилось? Он пожимает плечами. Мы выходим на улицу. Еще теплое октябрьское солнце светит в лицо, и я прикрываю глаза рукой.

- Миссис Дэвис хочет с тобой поговорить, бросает он наконец.
- О чём?
- Сам узнаешь.

Он ускоряет шаг. Я иду за ним, чувствуя, как в желудке зарождается привычная тяжесть. Учителя хотят поговорить только об одном: либо Вий натворил что-то, либо его успеваемость страдает. Третьего не дано. Миссис Дэвис сидит за своим столом и что-то пишет от руки. Старая школа. Бумага, чернила, без всякой цифры. Когда я захожу, она поднимает голову и снимает очки.

- Мистер Блэк, спасибо, что зашли.

- Проблемы? Сажусь на стул для посетителей. Она вздыхает. Этот вздох я уже научился расшифровывать. «Да, проблемы. Не катастрофа, но неприятно».

- Ваш сын очень талантливый мальчик, начинает она.

- У него богатое воображение, он быстро схватывает материал, когда захочет. Но, она делает паузу, - в последнее время он отказывается выполнять задания в стандартном формате. Я не перебиваю.

- На прошлой неделе я попросила нарисовать «Мой дом», продолжает миссис Дэвис.

- Все дети нарисовали дом с крышей, окнами, трубой. Вий нарисовал дом на шести колесах. С колесами, мистер Блэк. Которые катятся. Дом, который едет. Я сдерживаю улыбку.

- Сегодня я дала тему «Моя семья». Он нарисовал нас с вами и робота. Но ваш портрет он изобразил без глаз.

- Без глаз?

- Да, он сказал, что папа видит всё равно, потому что у него большая голова. Она качает головой.

- Я понимаю, что дети фантазируют, но директор и система контроля над детьми контролируют что в головах у детей. И за малейшие отклонения в ментальном состоянии ребенка вы вынуждены вместе с ним пройти семейную психотерапию.

Он умный мальчик, но ему скучно. А когда скучно, он начинает придумывать странное. Я смотрю в окно. На площадке Вий стоит в стороне от других детей, пинает камешек.

- Что вы предлагаете? Спрашиваю я.

- Поговорите с ним. Объясните, что в школе есть правила. Что фантазия — это хорошо, но нужно уметь вовремя её выключать. Возможно, запишите его в кружок рисования, где ценят нестандартный подход. А в классе пусть выполняет задания как все.

Я киваю. Беру лист с рисунком. Вий нарисовал меня квадратным, с огромной головой и без глаз, а рядом — маленького человечка с тремя ногами. Подпись: «Я и папа гуляем».

- Я поговорю с ним, говорю я.

Миссис Дэвис снова вздыхает. Она явно ждала более бурной реакции. Но я уже научился не спорить с учителями. Это как спорить с дождём - бесполезно, можно только взять зонт. Выхожу на улицу. Вий сидит на скамейке, смотрит на облака.

- Ну что, говорит он, не поворачиваясь.

- Она сказала, что я странный?

- Она сказала, что ты талантливый. Это дипломатично.

Я сажусь рядом. Мы молчим минуту.

- Почему ты нарисовал меня без глаз? Спрашиваю я.

Вий пожимает плечами, потом он смотрит на своих одноклассников, а потом снова пожимает плечами.

- Потому что ты устаёшь. У людей, когда они устают, глаза закрываются. А я хотел нарисовать тебя отдохнувшим, но не знаю, как. Поэтому без глаз.

Я чувствую, как комок подкатывает к горлу. Обнимаю его.

- Пойдём, говорю.

- Купим мороженое.

- А миссис Дэвис разрешает?

- Миссис Дэвис не твоя мама. Я твой папа. Я разрешаю.

Он улыбается впервые за сегодня. Мы идём через парк. Я держу его за руку. Он иногда отдёргивает - уже большой, девять лет, стесняется. Но потом снова вкладывает свою ладонь в мою. Я знаю, что через пару лет он вообще перестанет брать меня за руку. Поэтому ловлю момент.

- Пап, говорит Вий.

- А почему учителя все одинаковые? Они не любят, когда мы придумываем своё. Они хотят, чтобы мы делали как все.

- Потому что им так проще проверять, отвечаю я.

- Представь, если бы каждый ученик придумывал свой способ решать примеры. Учитель сошёл бы с ума.

- Но я же не про примеры. Я про рисунки.

- И про рисунки тоже. В школе не учат быть художниками. В школе учат быть похожими. Вий замолкает. Переваривает.

— Это глупо, – говорит он наконец.

- Возможно. Но пока ты ходишь в школу, тебе придётся соблюдать правила.

- А когда я вырасту, я смогу рисовать что хочу?

- Конечно. И даже ходить на трёх ногах, если захочешь.

Он смеётся. Мы подходим к киоску с мороженым. Я покупаю ему пломбир в вафельном стаканчике, себе - эспрессо. Садимся на лавочку.

- Пап, говорит Вий, облизывая мороженое.

- А ты в школе был таким же? Тебя тоже ругали за фантазию?

- Меня ругали за другое. Я не любил математику.

- А сейчас ты инженер. И считаешь лучше всех.

- Потому что я научился делать то, что не любил. Иногда это важнее, чем делать то, что любишь.

Вий кивает. Я не уверен, что он понял меня. Но он хотя бы услышал. Домой возвращаемся в сумерках. Робот уже приготовил ужин, пахнет картошкой и котлетами. Вий бежит мыть руки. Я захожу в его комнату, вешаю рюкзак на стул. На столе его рисунки. Целая стопка. Множество трёхногих людей, летающих домов, кренделей в шляпах. И один портрет - я без глаз, но с улыбкой. Внизу подпись: «Мой папа – лучший».

Я стою и смотрю на этот рисунок минуту. Потом складываю его и кладу в ящик стола. Там, где храню самое важное.

- Пап, иди ужинать! Кричит Вий с кухни.

- Иду. Я выключаю свет. На миг задерживаюсь в дверях. Комната Вия – это хаос: игрушки, книги, неубранная постель. Но это счастливый хаос. И я сделаю всё, чтобы он таким и оставался. На кухне Вий уже сидит за столом, болтает ногами. Робот ставит перед ним тарелку. Я сажусь напротив.

- Ну что, говорю. - Уроки сделал?

- Нет ещё.

- После ужина сделаешь. Миссис Дэвис хочет, чтобы ты перерисовал «Мою семью» в нормальном варианте.

- А что значит «в нормальном»?

- С глазами.

Вий вздыхает, драматично закатывает глаза.

- Ладно. Я нарисую всех с глазами. Но уши я оставлю как есть.

- Какие уши?

- Квадратные. Потому что вы меня часто не слышите.

Я не знаю, смеяться или плакать. Смеюсь. После ужина он садится за стол и старательно выводит карандашом. Я мою посуду вместе с роботом (робот делает девяносто процентов работы, но я люблю помогать). Потом сажусь в кресло с ноутбуком – нужно доделать свой отчёт.

- Пап, слышу через полчаса.

- Смотри.

Вий приносит новый рисунок. Теперь у всех членов семьи есть глаза. Но они огромные, как блюдца, и смотрят в разные стороны. Я, Вий и робот стоим перед домом. У робота глаза квадратные

- Робот, у него другой дизайн.
- Это нормально? – спрашивает он.
- Вполне. Глаза у всех есть.
- Она поставит пятёрку?
- Поставит. Главное, что ты старался.

Вий удовлетворённо кивает и убегает. Я смотрю ему вслед. Мой сын - странный, упрямый, гениальный в своей наивности. Он не вписывается в рамки, и миссис Дэвис это бесит. Но я не хочу, чтобы он вписывался. Я хочу, чтобы он оставался собой. Даже если это значит рисовать папу без глаз. Перед сном я захожу к нему пожелать спокойной ночи. Он уже в пижаме, лежит в кровати.

- Спокойной ночи, пап.
- Спокойной ночи, Вий.
- Пап, а ты когда-нибудь пробовал нарисовать меня?
- Пробовал. Получилось плохо.
- Покажешь?

Я достаю из кармана скомканный листок. Когда-то, когда Вий был маленький, я нарисовал его портрет. Получилось криво, нелепо, но я храню его в кошельке. Вий смотрит внимательно.

- Здесь у меня три глаза.
- Я не умею рисовать.
- И рот съехал.
- Я же сказал, не умею. Вий вдруг обнимает меня.
- Это лучший рисунок, пап. Потому что ты старался.

Я сжимаю его в объятиях. Чувствую запах детского шампуня, тепло маленького тела. В голове проносятся тысяча мыслей – про школу, про завтрашний отчёт, про миссис Дэвис и её вздохи. Но всё это не важно. Важно только то, что мой сын спокоен и что завтра мы проснёмся и снова проживём этот день. Может быть, с новыми рисунками и с новыми штуками.

- Спокойной ночи, шепчу я.
- Спокойной ночи, шепчет он.

Я выключаю свет. Робот переходит в спящий режим. В доме тишина. Я иду на кухню, наливаю чай, смотрю в окно. Звёзды. Настоящие. И думаю: хорошо, что он пока ещё такой. Не вписывающийся, странный, смешной. Потому что те, кто вписываются, теряют что-то важное. А я хочу, чтобы Вий никогда не терял. Я буду об этом помнить. Даже если когда-нибудь он перестанет рисовать трёхногих людей. Я буду помнить.

- Тебя миссис Дэвис зовет на день благодарения всех мам. Говорит Вий уплетая вишневый пирог, приготовленный роботом.
- Но я же отец, слегка взволновано сказал я.
- Но ты же у меня один.

Иногда я поражаюсь словам своего сына, они так порой могут тронуть самое сердце. А после них еще долго будешь отходить и не понимать, что это тебе сказал твой любимый сын, сидя с тобой за общим обеденным столом.

- Хорошо, а в какое время это будет?
- В 14.00. Явка всем обязательна, включая даже тебя.

Я тяжело вздохнул, посмотрел по сторонам, потом в глаза Вию и качнул головой в знак согласия.

Я стоял у дверей школьного актового зала и чувствовал, как по спине течёт холодный пот. Внутри гудели женские голоса, шуршали юбки, цокали каблуки. Я заглянул в щель - море цветов, бантов, пёстрых платьев. И ни одного мужского лица.

- Пап, ну иди, Вий тянул меня за рукав.

- Ты же обещал.

- Я думал, это обычный концерт, – прошептал я.

— Это «Праздник мам». Но я сказал учительнице, что у меня нет мамы. Она разрешила пригласить тебя.

Я сглотнул. Нет мамы. Он сказал это так спокойно, будто объяснял, что дважды два – четыре. А у меня внутри что-то больно кольнуло.

- Ты мог бы позвать бабушку.

- Бабушка далеко. А ты рядом. Иди, пап.

Он усадил меня в третьем ряду, между двумя полными дамами в кружевных воротничках. Они переглянулись поверх моей головы, потом вежливо улыбнулись. Я кивнул и уставился в сцену. Пластиковый стул подо мной жалобно скрипел.

Я достал телефон, сделал вид, что читаю сообщения. Экран моргал белым светом, но я не видел ни одной буквы. Все мысли были о том, как я здесь оказался. Тридцать пять лет, инженер, мужик с пятидневной щетиной – и сижу на празднике мам, как пингвин в пустыне.

Дамы вокруг щебетали о рецептах и детских прививках. Я сжал телефон крепче, будто он мог меня защитить.

А потом я её увидел.

Она вошла сбоку, придерживая за руку мальчика лет семи. Майя. Моя коллега из соседней ниши. Та самая, с которой мы перекидывались парой фраз у кофеварки. Но сейчас она была не в своём вечно сером кардигане. На ней было лёгкое синее платье, открывающее плечи. Волосы, которые в офисе всегда собраны в тугий пучок, свободно падали на спину.

Я не мог отвести взгляд.

Она оглядела зал, ища свободные места, и вдруг заметила меня. Её глаза округлились – удивление, потом узнавание, потом лёгкая усмешка. Она что-то сказала мальчику и направилась ко мне. Мальчик остался у стены, заинтересованный проектором.

- Можно? Спросила Майя, указывая на свободный стул рядом.

- Да, конечно.

Она села. Я почувствовал запах - не резкие духи, а что-то цветочное, с ноткой ванили. Откуда-то сбоку.

- А ты что здесь делаешь? Спросила она тихо.

Я кивнул на сцену, где уже выстраивались дети.

- Вий пригласил. Сказал, что это праздник мам, но ему можно с папой.

Майя улыбнулась. Не насмешливо - тепло, понимающе.

- Племянника привела. Она кивнула в сторону мальчика.

- Мама в командировке.

Повисла пауза. На сцене заиграла музыка, и дети начали читать стихи. Но я не слушал. Я чувствовал, как Майя поправила прядь волос, и этот жест был рядом, в поле моего бокового зрения. Я смотрел на сцену, но видел только её пальцы - длинные, без колец.

Когда объявили первую музыкальную паузу, Майя повернулась ко мне. Наши колени почти касались.

- Тебе неловко? Спросила она.

- Очень.

- Мне тоже. Я здесь чужая. Все эти мамы с пирожными и ленточками, а я - просто тётка.

Она рассмеялась - коротко, будто сама себя испугалась. Я посмотрел на её улыбку. У неё были ямочки на щеках, которые я раньше не замечал.

- Ты красиво выглядишь, сказал я. Слова вырвались сами, без разрешения.

Она замерла. Повернула ко мне лицо. Наши взгляды встретились, и я забыл, как дышать. Секунда. Другая. Потом она отвела глаза.

- Спасибо, сказала она тихо.

На сцену выбежал Вий. Я зааплодировал, хотя он ещё не начал петь. Майя засмеялась, искренне, громко.

- Ты хороший отец, Блэк. Не каждый бы пришёл.

- А ты хорошая тётя, ответил я. Не каждая бы привела.

Вий запел. Он фальшивил ужасно, но старался так, что у меня защипало в глазах.

Мама, где ты? Я рисую дом.

Там окошко жёлтое, дым над кирпичом.

Папа говорит, что ты в облаках живёшь.

Значит, ты оттуда меня очень ждёшь.

Я вырасту – найду тебя, вот подожди немножко.

Он сбился на последней строчке, смущённо посмотрел в зал и вдруг показал пальцем на меня. Все обернулись. Я замер. А он крикнул прямо в микрофон: «Это мой папа! Он самый лучший!» и убежал за кулисы.

Зал засмеялся. Я вытер глаза, делая вид, что просто чешу нос. Майя смотрела на меня с улыбкой. Её рука - просто так, случайно легла на подлокотник, между нами. Наши пальцы оказались в двух сантиметрах. Я мог бы дотронуться. Мне хватило бы просто чуть-чуть шевельнуть мизинцем.

Я не шевельнул. Побоялся.

- Он у тебя замечательный, тихо сказала Майя.

- Знаю.

- Давно хотела спросить, она понизила голос. – Почему ты никогда не звал меня на кофе? Ну, мы же коллеги.

Я повернулся к ней. Наши лица были близко - слишком близко для случайных коллег.

- Думал, ты откажешь.

Она покачала головой - чуть-чуть, так, что только я заметил.

- Глупый.

Это слово повисло в воздухе. Я чувствовал его на губах. Её рука снова коснулась подлокотника - на этот раз пальцы легли совсем близко к моим. Я почувствовал тепло. Не прикосновение - просто тепло. Этого хватило, чтобы сердце ухнуло вниз.

Я положил свою руку поверх её - легко, невесомо. Она не убрала.

Майя вздохнула. Я почувствовал движение воздуха.

- Завтра, сказала она едва слышно. - После работы.

- Хорошо.

Она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. В полутьме я видел только её глаза - большие, тёмные, с крошечными огоньками от софитов. Я хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто сидел и держал её руку. Мы смотрели на сцену и не видели ничего, кроме друг друга.

Концерт закончился. Дети выбежали к родителям. Вий прыгнул ко мне на шею, а я всё ещё чувствовал на пальцах след от Майиной руки.

- Пап, а почему ты улыбаешься? Спросил Вий.

- Потому что сегодня хороший день.

- Из-за моего пения?

- Да, из-за этого. И из-за всего остального.

Мы вышли на улицу. Майя стояла у крыльца с племянником. Она оглянулась, встретилась со мной глазами и улыбнулась - та самая улыбка, от которой у меня перехватило дыхание.

- До завтра, сказала она.

- До завтра.

Она ушла. Я смотрел ей вслед, пока её синее платье не растаяло в сумерках. Вий держал меня за руку и что-то рассказывал про свой рисунок. Я не слышал ни слова.

Мы шли домой. Внутри разливалось тепло - не то, которое дарит уютный плед или горячий чай. То, которое заставляет чувствовать себя живым.

Я думал о завтра. О кофе. О её пальцах на подлокотнике. О том, что завтра, возможно, начнётся что-то новое. То, о чём я боялся даже мечтать.

А Вий рядом тихонько напевал свою фальшивую песню про маму в облаках. И мне казалось, что этот вечер, самый правильный из всех, что у нас были.

Я проснулся без будильника. Солнце уже пробивалось сквозь щель между шторами, и в этой узкой полоске света плясали золотые пылинки - миллионы маленьких существ, которые живут только в утренних лучах и исчезают, когда солнце поднимается выше. Я лежал на спине и смотрел в потолок. В голове было тихо, но где-то под рёбрами пульсировало, ожидание. Сегодня суббота. Сегодня я иду гулять с Майей.

Я повернул голову к будильнику: 7.15. До встречи почти три часа. Можно было бы ещё поспать, но сон ушёл. Я поднялся, натянул спортивные штаны и вышел в коридор. В доме было тихо - Вий ещё спал, робот не начал свою утреннюю программу. Только холодильник тихо гудел на кухне, да половицы скрипели под моими босыми ногами.

Я заглянул в комнату сына. Вий лежал на боку, обняв плюшевого медведя, и что-то бормотал во сне. Его тёмные волосы разметались по подушке. Я поправил одеяло, постоял минуту, слушая его дыхание, и вышел.

В ванной я побрился тщательнее, чем обычно. Достал новое лезвие, намылил щёки старой кисточкой - её подарила мне Клэр много лет назад, и я не мог её выбросить. Потом долго выбирал рубашку. В итоге остановился на светло-серой, с длинным рукавом, её я купил прошлой весной и так ни разу не надел. Джинсы, чисто вымытые. Кроссовки, которые я чистил зубной щёткой, чтобы белые полосы стали ещё белее. Я смотрел на себя в зеркало и не узнавал.

В 8.30 робот включился. Я дал ему команду: «Завтрак для Вия - овсянка с ягодами и какао. Мне - кофе и тост». Пока робот готовил, я сидел на кухне, смотрел в окно и пил первый глоток. Кофе был крепким, с горчинкой, такой, как я люблю.

В 9.15 я разбудил Вия.

- Пап, можно я ещё посплю? Пробормотал он, зарываясь лицом в подушку.

- Можно. Я уйду, вернусь к обеду. Робот тебя покормит. Не включай телевизор громко.

- А ты куда?

- Гулять.

- С той тётей, у которой племянник? – Он приоткрыл один глаз.

- Да.

- Красивая?

- Спи.

Я услышал его сонный смех, когда закрывал дверь.

Мы договорились встретиться у входа в Центральный парк в десять. Я пришёл в 9.55, купил две бутылки воды в киоске и встал под старым дубом, наблюдая за прохожими. Молодые мамы с колясками, пожилые пары, бегуны в ярких майках. И вот она - Майя. Она шла по аллее, слегка улыбаясь чему-то своему. На ней было лёгкое бежевое платье, белые кроссовки и рюкзак за плечами. Волосы собраны в хвост, но несколько прядей выбились и трепетали на ветру.

- Ты рано, сказал я, когда она подошла.

- И ты не опоздал, ответила она.

Я протянул ей одну из бутылок.

- Вода? Спасибо. А ты предусмотрительный.

- Иногда.

Мы вошли под арку ворот. Сразу стало темнее, вековые деревья смыкали кроны над головой, создавая зелёный тоннель. Запахло прелыми листьями и свежей травой.

Дорожка петляла между клёнами и дубами. Мы шли молча, но молчание было лёгким, не тягостным. Майя то и дело останавливалась, чтобы рассмотреть какой-нибудь цветок или проводить взглядом белку, скачущую по веткам.

- Давно не была в этом парке, сказала она. - Года два, наверное. С племянником. А тут без него.

- А сколько ему?

- Семь. Зовут Лео. Он такой же фантазёр, как твой Вий, только рисует не людей с тремя ногами, а монстров. Страшных, с зубами. Я иногда пугаюсь, когда заглядываю в его альбом.

- Пугаешься?

- Шучу. Но у него богатое воображение. Как у всех детей, у которых нет родителей.

Я не стал уточнять. Она сама расскажет, когда будет готова.

Мы вышли к пруду. Вода была тёмной, почти чёрной, но на середине отражалось небо - бледно-голубое, с редкими облаками. Утки сидели на берегу, нахохлившись. Одна, завидев нас, заковыляла навстречу в надежде на хлеб.

- Хочешь, покормим? Спросила Майя.

- У нас нет хлеба.

- Вон киоск.

Мы купили две буханки - я настоял на двух, потому что утки были голодные, а Майя сказала, что ей нравится смотреть, как они едят. Она крошила хлеб мелко-мелко, чтобы корочка не застревала у птиц в горле. Я кормил как попало, но утки не жаловались.

- Ты когда-нибудь был женат? Спросила она, когда последний кусочек улетел в воду.

- Да. Мою жену звали Клэр. Она умерла, когда Вию было два года.

Майя перестала крошить. Посмотрела на меня.

- Как?

- Опухоль мозга. Врачи сказали, что ничего не могут сделать. Три месяца - от диагноза до конца. Я тогда работал как проклятый, пытался оплатить лечение, возил её в Швейцарию, в Германию. Бесполезно.

Она молчала. Я не смотрел на неё, смотрел на воду, на уток, которые уже уплыли к другому берегу.

- Ей было двадцать восемь, добавил я. Она была художницей. Рисовала странные вещи - как Вий сейчас. Дома с крыльями, трёхногих людей. Я тогда смеялся. А теперь понимаю: она видела мир иначе.

- Мне жаль, сказала Майя. Только эти два слова.

Мы пошли дальше. Свернули на аллею, которая вела к розарию. Там ещё не цвели розы, только зелёные кусты, но скамейки были пусты. Мы сели.

- А ты? - спросил я. - Почему одна?

Майя долго молчала. Я думал, не ответит.

- У меня был брат, сказала она наконец. Он погиб в аварии на мотоцикле, когда я училась на втором курсе. Старший. Ему было двадцать четыре. После него остался сын - тот самый Лео. Его мать уехала за границу, вышла замуж, ребёнка бросила. Мои родители живут далеко, у них своя жизнь. Так я и стала мамой в двадцать лет.

- Тяжело?

- Поначалу да. Я не умела готовить, не знала, как завязывать шнурки на маленьких кроссовках. Лео плакал по ночам, я плакала вместе с ним. Потом привыкли.

- Ты сильная.

- Нет. Просто другого выхода не было.

Ветер шевельнул её волосы. Я заметил, что у неё на левой щеке маленькая родинка у уголка губ. Раньше не видел.

- Ты никогда не говорила об этом на работе.

- А зачем? Там мы коллеги. Здесь - люди.

- Кстати я слышала странную новость, сказала Майя, глядя на воду. - Говорят, скоро можно будет учиться без школ. Какой-то чип в голову.

- Чушь, ответил я. - Ничто не заменит живого учителя.

- А если это правда?

Я промолчал. Я не хотел об этом думать.

Мы вышли из парка около часа дня. Солнце припекало, Майя сняла свою лёгкую куртку и повесила на рюкзак. Я предложил зайти ко мне - перекусить, познакомиться с Вием, который наверняка уже проснулся. Она согласилась без колебаний.

Мой дом стоял на тихой улице, в тени старых дубов. Двухэтажное здание с верандой, где я любил сидеть по вечерам с книгой. Я открыл дверь ключом, никакой биометрии. Майя заметила.

- Не доверяешь технологиям?

- Доверяю, но предпочитаю старый способ. Меньше шансов, что кто-то взломает мою дверь.

Внутри пахло ванилью. Робот уже накрыл на стол - белая скатерть, тарелки с тонким ободком, стеклянные салфетки. Из гостиной доносился звук телевизора. Вий выключил его, когда услышал наши шаги, и выбежал в прихожую.

- Папа! Он повис у меня на шее, потом заметил Майю и смутился. – Здравствуй.

- Здравствуй, Вий. Я тётя Майя. Мы виделись на празднике.

- Я помню. Вы были в синем платье.

- У тебя отличная память.

Он улыбнулся и убежал на кухню, крикнув на ходу: - Я помогу роботу!

Майя прошла в гостиную, огляделась. Рисунки Вия в рамках на стенах, книжные стеллажи, большой диван, на котором я спал, когда болел, или когда Вий просил остаться с ним после кошмаров.

- У вас уютно, сказала она. Не похоже на дом холостяка.

- Вий старается.

В это время Вий уже влетел в комнату, таща за собой поднос с чашками.

- Я принёс чай! Объявил он. Робот заварил с бергамотом. Папа сказал, вы любите.

- Спасибо, Майя взяла чашку. – А ты пьёшь чай?

- Только с молоком. И сахаром. Но папа говорит, что сахар вредный.

- Папа прав.

- Я знаю, Вий вздохнул. Поэтому я кладу только половину ложки.

Он поставил поднос на стол и уселся в кресло напротив, болтая ногами.

- А вы замужем? – спросил он прямо.

- Вий! Одёрнул его я.

- Ничего страшного, улыбнулась Майя. - Нет, не замужем.

- А почему?

- Потому что не встретила подходящего человека.

- А мой папа подходящий?

Я чуть не поперхнулся чаем. Майя рассмеялась.

- Твой папа очень хороший. Но мы только коллеги.

- Пока, сказал Вий многозначительно и убежал проверять, как там лазанья.

Робот подал ужин в шесть вечера. Лазанья, салат из свежих овощей, хлеб, который я испёк сам (Вий помогал месить тесто). Майя с удивлением посмотрела на хлебную корзину.

- Ты печёшь?

- Иногда. Это рецепт моей мамы. Робот помогает, но тесто я делаю руками.

Вий уже сидел за столом, нетерпеливо постукивая вилкой по скатерти. Я налил себе и Майе красного вина, Вию – яблочного сока.

- Можно я скажу тост? – попросил Вий.

- Давай.

- За то, чтобы у нас всегда были гости! И чтобы папа больше не грустил по вечерам.

Майя подняла бокал. Я тоже.

- Хороший тост, – сказала она.

Лазанья удалась. Вий уплёл свою порцию за пять минут и попросил добавки. Робот подал вторую. Майя ела медленно, с видимым удовольствием.

- Ты программируешь робота сам? – спросила она.

- Да. Научился, когда родился Вий. Нужно было готовить, стирать, убирать, а времени не хватало.

- А сейчас?

- Сейчас он почти член семьи.

- Я хочу такого же, – вздохнула Майя.

- Подарю на Новый год.

Она засмеялась. Вий тоже, хотя не понял шутки.

После ужина Вий ушёл играть в свою комнату. Мы с Майей остались на кухне. Я заварил свежий чай, она смотрела в окно, где уже темнело.

- Ты любил свою жену? – спросила она тихо.

- Очень.

- Тяжело было остаться одному с ребёнком?

- Первые годы - да. Я не знал, как менять подгузники, как укачивать, когда он плакал по ночам. Клэр всё делала. Она была волшебницей.

- Волшебницей?

- Да. Она умела превращать обычный день в праздник. Обычный бутерброд с сыром в сказку. Я до сих пор не понимаю, как. Майя молчала. Я рассказывал дальше.

- Она узнала о болезни, когда Вию было полтора года. Сказала мне: «Я успею его научить говорить». И успела. Его первое слово было «мама». Она заплакала от счастья.

- Ты её навещаешь?

Я понял, что она спрашивает о могиле.

- Да. Каждую неделю. Беру Вия, цветы. Он собирает камешки возле надгробия. Говорит, что мама любила блестящие.

- А ты?

- Я просто стою. Молчу. Думаю.

- О чём?

- О том, что она была права. Жизнь короткая. Не надо тратить время на глупости.

Майя положила свою руку на мою. Я почувствовал тепло её пальцев - шершавых, с коротко стриженными ногтями, без колец.

- Она бы хотела, чтобы ты был счастлив.

- Я знаю.

Мы сидели так минуту. Потом она убрала руку, встала.

- Мне пора. Лео ждёт.

Я проводил её до прихожей. Вий выскочил попрощаться.

- Приходите ещё! – крикнул он. – Мы будем печь печенье!

- Обязательно, – пообещала Майя.

Мы вышли на крыльцо. Вечер был тёплым, звёзд почти не видно город засвечивал.

- Спасибо за сегодня, сказала Майя. - Я давно так не гуляла.

- Тебе спасибо. Вий редко кого-то приглашает.

- Он замечательный.

- Да, это точно.

Она сделала шаг к калитке, потом повернулась.

- Блэк. Я хочу, чтобы ты знал. Ты не обязан быть один. Ты заслуживаешь счастья. Я не нашёлся, что ответить. Только кивнул.

Она ушла. Я смотрел, как её фигура тает в сумерках, пока она не скрылась за поворотом.

В доме было тихо. Робот мыл посуду, Вий уже спал. Я поднялся в свою комнату, сел на кровать. На тумбочке стояла фотография - Клэр с Виём на руках, он смеётся, она смотрит в камеру. Такая живая.

- Я не перестал тебя любить, прошептал я. Просто я хочу жить дальше.

Я лёг, закрыл глаза. В голове всё ещё была Майя, её улыбка, её голос, её пальцы на моей руке. Может быть, это начало. Может быть, нет. Но сегодня я чувствовал себя живым - впервые за много лет.

На другой стороне города Майя шла по освещённой улице, сунув руки в карманы. Она думала о Блэке. О том, как он рассказывал про Клэр. О том, как Вий сказал: «Мой папа подходящий». Она улыбнулась.

- Может быть, сказала она себе. Может быть.

Ночь укрыла город. Где-то в одном доме спал мальчик, который рисовал трёхногих людей. Где-то в другом – женщина, которая не знала, стоит ли верить в новое чувство. А между ними, на тёмных улицах, ветер нёс запах весны.

И это было только начало, думал я.

Мы выехали в семь утра. Солнце только поднималось над крышами домов, и тени от деревьев ложились длинными полосами на мокрый после ночного дождя асфальт. Вий сидел на заднем сиденье, пристегнутый, с рюкзаком на коленях. В рюкзаке - рисунки, сменная футболка и камень, который он нашёл в прошлый раз у бабушкиного дома. Он сказал, что камень скучает по своему месту.

Я не спорил. Дорога до Орегон-Сити занимала около четырёх часов, если без пробок. Я включил автопилот и откинулся в кресле. За окном потянулись пригороды, потом поля, потом леса. Вий молчал, смотрел на проплывающие сосны. Я смотрел на дорогу. Мама звонила вчера вечером.

Голос был тихий, какой-то прозрачный, как вода после фильтра. Она спросила, приедем ли мы. Не сказала «приезжайте», не сказала «жду». Спросила - будто проверяла, не забыли ли мы. Я ответил, что приедем. Она помолчала, потом сказала: «Хорошо. Я испекла пирог». Пирог она пекла всегда, даже когда сил не было. Я представлял, как она стоит у плиты, опираясь на стену, смотрит на тесто, которое не хочет подниматься. Пирог – это её последний разговор с нами.

Мы въехали в Орегон-Сити около одиннадцати. Городок маленький, с одной главной улицей, магазином хозяйственных товаров и церковью с облупившейся краской. Дома здесь старые, многие из тех, что строили ещё в прошлом веке.

Мамин дом - серый, с верандой, где висят горшки с геранью, которую она поливает даже зимой. Я припарковался у тротуара, выключил двигатель. Вий вылез первым, потянулся, посмотрел на небо.

- Тут пахнет по-другому, сказал он.

- Как в другом мире.

— Это просто деревья, ответил я. В городе их нет.

Мы подошли к крыльцу. Ступеньки скрипели. Я постучал, но дверь была открыта. Мама всегда оставляла её незапертой - ждала. Мы вошли. В доме пахло ванилью и лекарствами. Эти

два запаха смешивались в странный коктейль, который я помнил с детства: сначала пироги, потом, когда отец заболел, таблетки. Теперь таблетки выигрывали.

- Бабушка! Крикнул Вий и побежал в гостиную.

Я пошёл за ним. Мама сидела в кресле у окна, укрытая пледом, который она связала сама лет двадцать назад. Плед выцвел, но она отказывалась его менять. В руках она держала чашку, из которой давно уже ничего не пила, просто держала, чтобы чем-то занять пальцы. Мама похудела. Лицо её стало острым, скулы выступали, под глазами залегли тени, которые не скрывала даже лампа с мягким светом. Волосы, когда-то густые и тёмные, теперь редкие, седые, собраны в пучок.

Она улыбнулась, но улыбка была как старая фотография - похожая на настоящую, но уже не живая.

- Приехали, сказала она тихо. Хорошо.

Вий обнял её, она погладила его по голове. Я видел, как её рука дрожит. Я сел на стул напротив, взял её свободную руку. Ладонь была холодной, кожа тонкой, как папиросная бумага.

- Как ты, мама?

- Живу, ответила она.

- Пирог на столе. Режьте, не ждите меня.

Вий уже убежал на кухню. Я слышал, как он открывает шкафы, ищет тарелки. Мама смотрела ему вслед, и в её глазах было что-то - не тоска, не радость. Примирение.

- Он вырос, сказала она.

- Совсем большой.

- Ему девять.

- Девять. А мне семьдесят. Семьдесят четыре, поправилась она.

- Я путаю.

Она часто путала. Цифры, имена, дни недели. Это все из-за развивающейся болезни. Иногда она звала меня именем отца. Я не поправлял - пусть думает, что отец рядом.

Вий вернулся с тарелкой, на которой лежал кусок пирога. Яблочный, с корицей, как в детстве. Кусок был неровный видно, что мама резала дрожащей рукой.

- Бабушка, ты же обещала научить меня печь! Сказал Вий, усаживаясь на пол рядом с её креслом.

- В следующий раз, ответила она.

- Обязательно.

Но мы оба знали, что следующего раза может не быть. Я смотрел на стены. На них висели фотографии в деревянных рамках. Чёрно-белые: мама молодая, с длинной косой, стоит у забора, улыбается. Папа в форме, с медалями, которые он никогда не носил, но на фото надел специально. Я в школе, с огромным портфелем, в очках, которые потом разбил. Клэр с Вием на руках — это фото я принёс сам несколько лет назад, и мама повесила его на самое почётное место. Время здесь остановилось.

Снаружи мир бежал вперёд, новые технологии, инфографы, города-человейники. А внутри этих стен всё было как пятьдесят лет назад: скрипучие половицы, запах ванили, тикающие часы на стене. Часы были механическими, с маятником. Мама заводила их каждое воскресенье.

- Как ты себя чувствуешь? Спросил я.

- Хорошо, она отвела глаза.

- Доктор сказал, что всё нормально.

Я знал, что она врёт. Доктор звонил мне на прошлой неделе и сказал, что мозг все слабеет, что лекарства уже не помогают, что нужно готовиться. Мама не хотела, чтобы я знал. Она всегда прятала боль, сначала от отца, потом от меня, теперь от Вия.

- Бабушка, а почему у тебя на стене веретено? Спросил Вий, указывая на странный предмет в углу.

— Это прялка, ответила она.

Моя бабушка пряла шерсть. Делала нитки. Потом вязала носки.

- А ты умеешь?

- Умела. Руки уже не те.

Она подняла ладони. Пальцы искривлены, суставы узловатые. Я вспомнил, как в детстве она вязала мне свитера - толстые, неудобные, с высоким воротом, которые я ненавидел. А теперь отдал бы всё, чтобы получить ещё один такой свитер.

Вий встал, подошёл к этажерке, где стояли книги. Старые, в твёрдых переплётах, с выцветшими корешками. Он вытащил одну, открыл, посыпалась пыль.

- Тут написано «Джейн Эйр», прочитал он.

- А что это?

- Роман, сказала мама.

- О любви. Я читала его, когда была молодой.

- А сейчас?

- Сейчас не вижу буквы. Мелкие.

Я знал, что дело не в буквах. Она просто устала читать. Устала жить. Но держалась ради нас - ради этих редких суббот, когда мы приезжали из своего города в её маленький мир. Время тянулось медленно. Мы пили чай из старых чашек с трещинами, ели пирог, разговаривали о пустяках, о погоде, о коте соседей, который повадился ходить к ней на веранду. Мама говорила, и голос её то крепнул, то угасал, как радиоволна за городом. После обеда Вий попросил показать ему старые фотографии.

Мама достала альбом - толстый, в кожаном переплёте, с золотым тиснением. Она листала страницы, называла имена тех, кого уже не было.

«Это дядя Джо, он умер от рака», «Это кузина Мэй, её сбила машина», «Это твой дедушка, он ушёл во сне».

Вий слушал, смотрел на лица, и я не знал, понимает ли он, что бабушка говорит о себе то же самое, только не вслух.

Я вышел на веранду. Стеклопанная дверь скрипнула. Вечернее солнце золотило горшки с геранью, и в этой тишине городок казался вымершим. Ни машин, ни голосов, только птицы. Я подумал о том, что мама осталась здесь одна, потому что не хотела переезжать в город. Говорила, что город её убьёт. Теперь её убивало одиночество, но она не жаловалась. Когда мы собирались уезжать, уже смеркалось.

Вий обнял бабушку долго, уткнувшись ей в плечо. Она гладила его по спине, шептала что-то - я не слышал, что. Потом поцеловала в макушку.

- Приезжайте ещё, сказала она, глядя на меня. Глаза её блестели.

- Обязательно, ответил я.

Я знал, что это неправда. В машине Вий молчал. Он смотрел в окно, на убегающие назад деревья, поля, редкие дома. Я молчал тоже. Только включил радио, тихо, чтобы заполнить тишину.

Мама осталась на крыльце, маленькая, укутанная в плед, и махала рукой, пока мы не скрылись за поворотом.

- Пап, сказал Вий через час. Бабушка умирает?

Вопрос повис в воздухе.

- Старее, ответил я. Мы все стареем.

- Я не хочу, чтобы она умирала.

Я посмотрел на него в зеркало заднего вида. Глаза его были мокрыми.

- Она будет жить, пока мы её помним, сказал я.

Это было единственное, что я мог сказать. Мы въехали в город, когда уже стемнело. Огни небоскрёбов, рекламные экраны, дроны доставки — всё это показалось мне чужим после дня в Орегон-Сити. Домашний уют, запах пирога, тиканье часов остались там, в мире, который умирает вместе с мамой. Робот встретил нас у двери, помог раздеться. Вий сразу ушёл в свою комнату - не ужинал, не просил включить телевизор. Я не звал его.

Я сел в кресло, посмотрел на телефон. Стоило позвонить врачу, спросить, сколько ещё. Я не позвонил. Боялся услышать правду. За окном светилась реклама инфографа - «Новые возможности для ваших детей!» и я подумал о маме, которая не умела пользоваться даже планшетом, но научила меня читать по буквам, держа за руку. Её знания были медленными, тёплыми, живыми. Не теми, что загружаются за секунду. Я закрыл глаза и увидел её на крыльце - маленькую, седую, машущую рукой. А потом я заплакал. Впервые за много лет.

В субботу утром я разбудил Вия затемно. Солнце ещё не встало, туман стелился по земле, и воздух был таким свежим, что хотелось дышать глубже, чем обычно. Я загрузил рюкзаки в машину - палатка, спальники, еда на два дня, термос с кофе, аптечка. Робот сунул в карман влажные салфетки и запасные носки.

- Мы правда переночуем в лесу? Спросил Вий сонно, кутаясь в куртку.

- Правда.

Давно обещал. Он улыбнулся и забрался на заднее сиденье. Я завёл двигатель, выехал на шоссе, когда только начинало сереть. Город спал, рекламные щиты мигали впустую, дроны доставки висели на зарядных станциях. Я свернул на трассу, ведущую к горам.

- Пап, а мы увидим медведя?

- Вряд ли. Они сейчас далеко.

- А волка?

- Волки людей боятся.

- А я бы хотел увидеть лося, мечтательно протянул он.

- Большого, с рогами.

- Увидим, если повезёт.

Я знал одно место - высокогорное озеро, куда ездил ещё с отцом. Там было безлюдно, вода ледяная, а в лесу водились грибы и брусника. Мы не были там три года, с тех пор как Вий подхватил простуду после купания. Теперь он окреп, и я решил, что пора. Дорога заняла три часа. Мы проехали городок с одним светофором, потом потянулись поля, потом лес — сначала молодой, с тонкими берёзками, потом старый, с огромными соснами, в которых что-то шумело и ухало. Вий прилип к окну.

- Тут как в сказке, сказал он.

- Да.

- Бабушка рассказывала, что в таких лесах водятся лешие.

- Бабушка много чего рассказывала.

- А ты веришь? Я помолчал.

- Верю, что в лесу надо вести себя уважительно. Не мусорить, не шуметь, не ломать ветки.

А как назвать того, кто за этим следит не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.